Tamara SKVIRSKAYA

From the history of the Church of the Nativity of the Virgin Mary at the St. Petersburg Conservatory

The article elucidates the pages of history of home Church of the Nativity of the Virgin Mary, founded at the St. Petersburg Conservatory in 1896. The article is based on previously unknown documents of 1890s and 1900s being kept at the Central State Historical Archives of St. Petersburg. The main subjects of the article include, in particular, the painting of the church made by the artists A. Riabushkin and V. Belaiev, the icons dedicated to memory of Piotr Tchaikovsky and Karl Davydov, and the church choir.

Keywords: St. Petersburg Conservatory, building, Church of the Nativity, artists Andrey Riabushkin and Vassily Belaiev, church choir.

Тамара СКВИРСКАЯ

Из истории церкви Рождества Пресвятой Богородицы при Санкт-Петербургской консерватории

В статье освещаются страницы истории домовой церкви Рождества Пресвятой Богородицы, существовавшей при Санкт-Петербургской консерватории с 1896 года. Статья основана на ранее неизвестных документах 1890–1900-х годов из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Рассказывается, в частности, о росписи церкви, выполненной художниками А. П. Рябушкиным и В. В. Беляевым; об иконах в память П. И. Чайковского и К. Ю. Давыдова; о церковном хоре.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская консерватория, здание, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, художники А. П. Рябушкин и В. В. Беляев, хор церкви.

В 1896 году, когда Санкт-Петербургская консерватория получила новое собственное здание на Театральной площади (перестроенное из здания бывшего Большого театра), в консерватории появилась домовая церковь, освященная во имя Рождества Пресвятой Богородицы и отличавшаяся великолепным живописным убранством. С церковью связана одна из малоизученных страниц истории Петербургской консерватории [1].

Высочайшее решение о передаче здания Большого театра в собственность консерватории было принято в 1889 году, в связи с празднованием 50-летия творческой деятельности основателя консерватории Антона Григорьевича Рубинштейна, по ходатайству Великой княгини Александры Иосифовны [2]. Перестройка здания продолжалась несколько лет, и только 12 ноября 1896 года (через два года после смерти Рубинштейна) состоялось торжественное открытие нового здания.

Архивные документы, сохранившиеся в фонде Петербургской консерватории в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга [3], позволяют восстановить некоторые эпизоды истории консерваторской церкви. В настоящей статье представлены материалы, относящиеся к 1890–1900-м годам.

Самый ранний выявленный документ по истории церкви — датированное 17 июня 1891 года письмо в Петербургскую консерваторию от присяжного поверенного П. Ф. Денике, душеприказчика умершего 29 апреля 1891 года действительного статского советника Семена Семеновича Викулина. Денике сообщал волю покойного, выраженную в духовном завещании: назначить «С.-Петербургской консерватории на устройство церкви в здании консерватории государственными 5 % банковыми билетами второго выпуска, считая их по номинальной стоимости, восемь тысяч пятьсот рублей» [4]. Какое отношение имел к Петербургской консерватории С. С. Викулин и почему он решил пожертвовать на ее церковь столь значительную сумму? На эти вопросы пока нет ответов. Известно, что С. С. Викулин пожертвовал большие средства и на строительство православной церкви Преп. Симеона Дивногорца (Симеона Столпника) в Дрездене, где провел часть жизни [5].

Возможно, письмо о пожертвовании С. С. Викулина послужило импульсом для дальнейших действий по устройству церкви. В переписке и решениях, касающихся церкви, принимали участие министр внутренних дел, обер-прокурор Св. Синода, Санкт-Петербургская

[1] Краткие сведения о церкви консерватории [см., в частности: 7, *с. 111*; 1, *с. 126– 127*]. В посвященных истории консерватории публикациях, выходивших в советский период, о церкви сведения отсутствовали [см., например: 5; 9].

[2] Великая княгиня Александра Иосифовна — жена Великого князя Константина Николаевича, президента ИРМО с 1873 г.; сменила мужа на этом посту после его смерти в 1892 г. Об их деятельности см.: [4, 8].

[3] ЦГИА СПб. Ф. 361.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263. Л. 1.

[5] Некоторые сведения о С. С. Викулине и построенной им в Дрездене православной церкви — см. в кн.: [3].

Общий вид церкви Петербургской консерватории. Фотография начала XX в. НИОР НМБ СПбГК

духовная консистория. 19 августа 1891 года в консерваторию было направлено письмо от протоиерея Санкт-Петербургской Скорбященской церкви Василия Гиляровского, сообщавшего о том, что консистория поручила ему собрать сведения о проектируемой церкви [6]. Ответ В. Гиляровскому, с приложением чертежей церкви, был составлен 21 сентября 1891 года от имени «Высочайше утвержденной комиссии для перестройки здания Большого театра на потребности СПб. Консерватории», за подписью председателя комиссии Н. И. Стояновского [7]. В нем, в частности, сообщалось: «1. Ближайшие к церкви помещения следующие: квартира инспектора, коридор, лестница и три класса, сверху чердак, а снизу женская уборная (рекреационный зал). 2. Церковь при консерватории ИРМО предполагается для духовных потребностей всех вообще православных учащихся и служащих в консерватории и преимущественно для воспитывающихся в научных классах (так назывались общеобразовательные предметы. — *Т. С.*). Неупустительным посещением воспитанниками церковных служб в воскресные и праздничные дни, учащимся предполагается внушить любовь и уважение к священнослужению и уставам Православной церкви и дать им полное религиозно-нравственное воспитание. [...] 3. На первое время особого причта при церкви не предполагается (церковь будет существовать на правах частных домовых церквей). Заведывание церковью будет поручено состоящему ныне законоучителем консерватории, протоиерею Смольного Собора Николаю Смирягину, которому за совершение богослужения будет определена особая плата. По выходе же из консерватории Протоиерея Смирягина, новый законоучитель будет и местным священником с особою платою за исполнение священнослужения. Вообще же вопрос о составе причта и его содержании в настоящее время окончательно еще не выяснен. Пение в церкви консерватории будет исполняться под руководством профессора преимущественно учениками, готовящимися занять места учителей церковного пения» [8]. Прилагавшийся «План и разрез церкви» [9], подписанный архитектором — «гражданским инженером В. Николя», был рассмотрен, как следует из записи в правом верхнем углу, «Технически-строительным комитетом» 18 ноября 1891 г. и «найден составленным удовлетворительно»; под этой записью имеются подписи председателя комитета Э. Жибера и пятерых членов комитета. В ответном письме от 19 октября 1891 года В. Гиляровский изложил мнение консистории: «Помещение для церкви [...] удобно и прилично. Рисунок иконостаса составлен в принятом для православных церквей стиле. [...] Консистория не усматривает с своей стороны никаких препятствий к устройству церкви [...]» [10]. Вскоре последовало высочайшее разрешение Александра III, о чем 7 декабря 1891 года в Петербургскую консерваторию (на имя Н. И. Стояновского) написал министр внутренних дел И. Дурново: «По всеподданнейшему докладу моему, в 5-й день сего декабря Государь Император Высочайше соизволил,

[6] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263. Л. 5–6.
[7] Там же. Л. 7–8 об.
[8] Там же. Л. 7 об.–8.
[9] Там же. Л. 14.
[10] Там же. Л. 9 об.–10.

согласно определению Святейшего Синода, разрешить устройство домовой церкви в перестраиваемом здании Большого театра на потребности С.-Петербургской консерватории Императорского Русского музыкального общества. О таковом высочайшем повелении имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству, с препровождением утвержденных чертежей на постройку названной церкви» [11]. На упомянутом «Плане и разрезе», возвращенном министром, имеется в левом верхнем углу его помета: «Высочайше утверждено. В Гатчине. 5-го Декабря 1891 года. Министр Внутренних Дел Статс-Секретарь Дурново» [12].

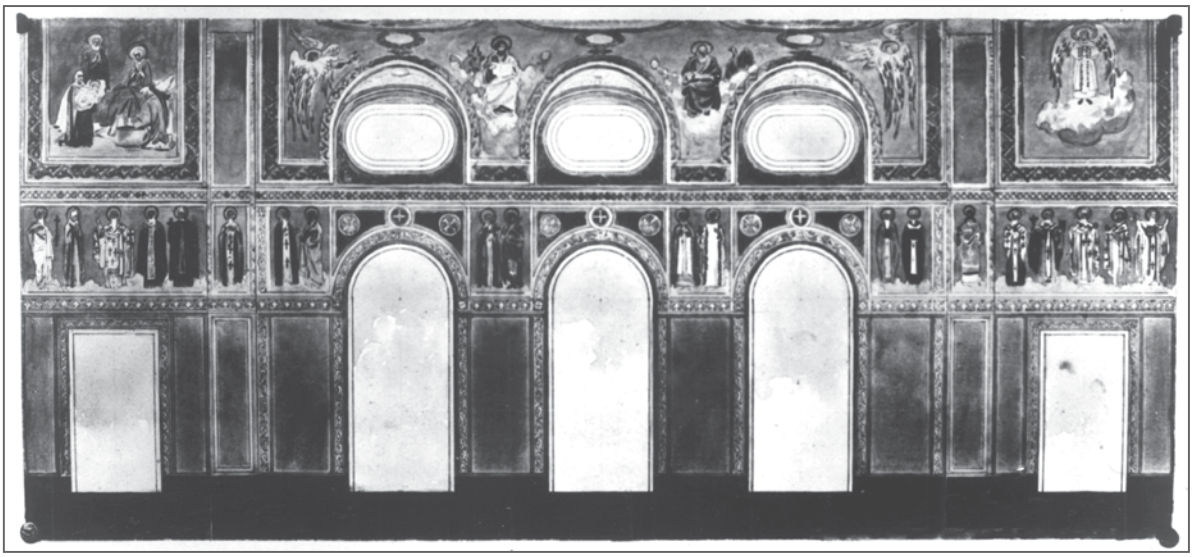
Однако строительство консерватории и церкви при ней затягивалось. Почти через три года, 16 августа 1894 г. В. Гиляровский написал в Комиссию для перестройки здания Большого театра о том, что Санкт-Петербургская духовная консистория поручила ему «представить сведения о ходе дела разрешенной постройки церкви» при консерватории [13]. В ответном письме сообщалось, что уже «возведены стены, сделан свод, вставлены переплеты в окна и приступлено к штукатурке стен» [14].

Ряд документов, датированных летом и осенью 1896 года, касается росписи церкви, которая вызвала разноречивые отклики. С живописным убранством консерваторской церкви связаны имена двух известных русских художников, выпускников Императорской Академии художеств: Андрея Петровича Рябушкина (1861–1904) и Василия Васильевича Беляева (1867–1928). Автором эскизов был А. П. Рябушкин, а непосредственные работы по росписи проводились В. В. Беляевым с помощниками. 11 июня 1896 г. Беляев обратился в комиссию по перестройке с заявлением, в котором жаловался на то, что из причитающихся ему 2 500 рублей он получил «за оконченные работы по росписи церкви С.-Петербургской консерватории» только 1 000 рублей, и просил заплатить еще 1 500 [15]. Тем же днем датирована его жалоба на имя Н. И. Стояновского [16], где проясняются некоторые обстоятельства, связанные с неуплатой художнику денег. Сообщая, в частности, что все работы окончены к 1 мая 1896 года, Беляев пишет: «Несмотря на предварительное условие и на то, что работы приняты г[осподино]м производителем работ по зданию, некоторые из членов комиссии остановили этот платеж, по причине неудовлетворения росписью стен и образов и решили назначить экспертизу. Должен упомянуть, что, во-первых, в условии моем такой прием работ не предусмотрен, ибо эскизы утверждены Ея Высочеством (Великой княгиней Александрой Иосифовной. — *Т. С.*), и работы сданы художникам по доверию, что явствует из самого условия. Во-вторых, вопрос о качестве работ является спорным в силу одобрения работ, до их окончания, Е[го] И[мператорским] В[ысочеством] Вел[иким] князем Константином Константиновичем (сыном Александры Иосифовны, с 1897 года вице-председателем ИРМО. — *Т. С.*), а равно и Вашим высокопревосходительством, затем многими из посетителей. Определенных замечаний мне не высказано; говорят, что „образа не гармонируют с иконостасом“ [...]. Затем есть мнения: „безвкусно“ и что „эта живопись нарушает благолепие храма“, нужно присовокупить сюда и то, что некоторые из членов комиссии вообще против росписи храма, некоторые против стиля — все это мнения личные, художник же в этом неповинен. С своей стороны я усматриваю в образах некоторые следы поспешности [...] и в видах полнейшей законченности я дома исправил все, что только вижу и понимаю» [17].

В недатированном письме архитектору В. В. Николя, написанном, вероятно, вскоре после жалобы Н. И. Стояновскому, В. В. Беляев сообщает: «Спешу известить Вас, что образа дня через 4 или 5 будут вполне готовы. [...] К сожалению, до сих пор я не получаю ответа от Н. И. Стояновского. [...] Время идет даром, образа же наши должны быть в результате на своем месте, так как за такую цену, а главное, за такой срок, никто не возьмется написать иконостас за исключением разве ремесленного производства» [18].

Комиссия по перестройке здания Большого театра приняла решение пригласить для оценки живописных работ в церкви экспертов из Академии художеств. Не позднее 13 июня 1896 года от имени товарища председателя комиссии К. М. Гарткевича было направлено письмо графу И. И. Толстому, вице-президенту Академии художеств [19], следующего содержания: «Во вновь сооруженном здании Императорского Русского музыкального общества имеется церковь, живописные работы в которой, в древневизантийском стиле, исполнены классным художником Беляевым»; далее в письме излагается просьба «указать принадлежащих к составу Императорской Академии художеств специалистов по церковной живописи, к которым комиссия могла бы обратиться с просьбой принять на себя труд освидетельствования исполненных в церкви живописных работ» [20].13 июня 1896 года И. И. Толстой написал ответное письмо [21], в котором указал двух специалистов: М. П. Боткина и П. П. Чистякова.

[11] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263. Л. 11–11 об.
[12] Там же. Л. 14.
[13] Там же. Л. 17–17 об.
[14] Там же. Л. 18.
[15] Там же. Л. 22.
[16] Там же. Л. 24–24 об.
[17] Там же. Л. 24–24 об.
[18] Там же. Л. 25–25 об.
[19] Там же. Л. 27–27 об., отпуск.
[20] Там же. Л. 27–27 об., отпуск.
[21] Там же. Л. 29.



А. П. Рябушкин. Эскиз росписи северной стены церкви Петербургской консерватории. Фотокопия. Музей СПбГК

К ним и обратилась комиссия по перестройке, приглашая их «осмотреть церковь» в воскресенье 23 сентября и дать «авторитетный отзыв» (см. отпуски писем к Боткину и Чистякову за подписью Стояновского[22]).

Вскоре церковь уже должна была быть освящена. Ее освящение, состоявшееся почти за месяц до официального открытия здания консерватории, было приурочено ко второй годовщине смерти императора Александра III (умер 20 октября 1894 года), с именем которого связывалась передача консерватории здания Большого театра. 26 сентября 1896 года был составлен, за подписью председателя дирекции Петербургского отделения ИРМО Ц. А. Кюи, «Доклад о разрешении освятить церковь в здании С.-Петербургской консерватории» на имя Великой княгини Александры Иосифовны[23]. Сообщая, что «устройство церкви в здании консерватории близится к совершенному окончанию» и что желательно отслужить в церкви заупокойный молебен по почившему императору, Кюи продолжает: «Дирекция С.-Петербургского отделения [ИРМО] почтительнейше просит Ваше Императорское высочество разрешить освятить церковь в начале будущего октября»[24]. На этом докладе имеется резолюция великой княгини: «Утверждаю. Александра И.».

В продолжение последующих дней, вплоть до освящения, шли работы по завершению устройства церкви. Эксперты из Академии художеств осмотрели церковь; были сделаны замечания, по которым пришлось исправить четыре образа иконостаса. Об этом исправлении 14 октября 1896 года В. В. Беляев сообщил в письме к Н. И. Стояновскому: «Решить этот вопрос я принужден был предоставить художнику А. П. Рябушкину по соглашению с профессором М. П. Боткиным, на том основании, что замечание профессора, касаясь исправления лиц, относится к вопросу о типах, что составляет уже область композиции — я же являюсь здесь только исполнителем данных эскизов. Кроме того, на официальном заявлении в комитет художником Рябушкиным доложено, что он принимает всю роспись и образа выполненными совершенно успешно и согласно его эскизам»[25].

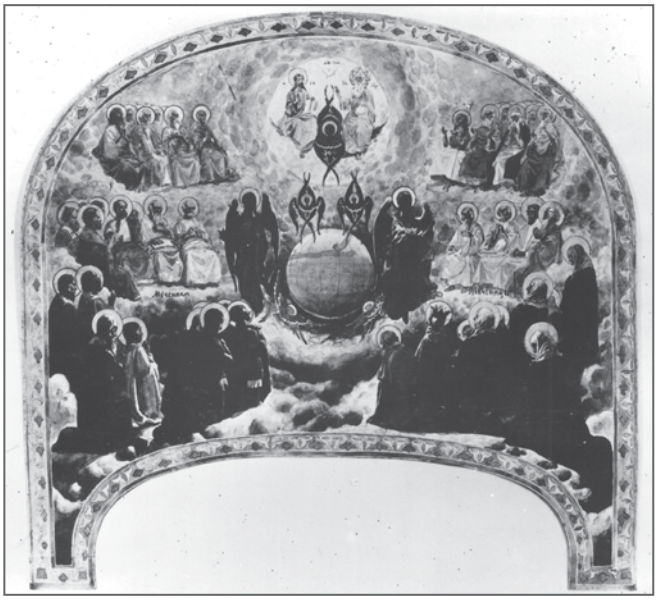
К этому письму В. В. Беляев приложил интереснейший документ: написанную им «Заметку о росписи церкви С.-Петербургской консерватории»[26]. В ней художник сообщает о некоторых обстоятельствах работы, подробно описывает сюжеты фресок, указывая на образцы в старинных русских церквях. Автор эскизов А. П. Рябушкин — знаток отечественной истории, много путешествовавший по старым русским городам и изучавший там образцы древнерусского монументального и прикладного искусства, — ориентировался прежде всего на церковную живопись XVI–XVII веков. Как выясняется из «Заметки» Беляева, в росписи церкви Петербургской консерватории ожили средневековые оригиналы, изучавшиеся (и, по-видимому, скопированные) Рябушкиным в Ярославле и Ростове.

В. В. Беляев, в частности, сообщает: «Домовая церковь С.-Петербургской консерватории расписана в 1896 году в период времени от 1-го января до 1-го мая. Роспись церкви производилась по утвержденным Ее Императорским Высочеством Великой Княгиней Александрой Иосифовной эскизам классного художника Андрея Петровича Рябушкина. Эскизы эти выработаны художником по материалам древнерусской стенописи в церквах г. Ярославля и Ростова эпохи XVI–XVII столетий. Испол-

[22] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263. Л. 26 об.
[23] Там же. Л. 32.
[24] Там же. Л. 32.
[25] Там же. Л. 34.
[26] Там же. Л. 37–40 об.

нителем работ на месте по данным эскизам был классный художник В. В. Беляев. Всю роспись церкви можно разделить на три части. I. Фрески и фризы отдельных Святых. II. Уборка стен орнаментистикой. III. Образа иконостаса. [...] Стены наверху заполнены фризом Святых, а ниже [...] рядом орнаментированных панно. [...] Для придания более древнего и поэтического духа общему, допущен в деталях орнаментистики характер еще более древний, именно с эпохи XII века». В числе примеров указаны «орнамент над фризом Святых (XII век, Софийский собор в Киеве)»; «круглые розетки в плафоне (решетки для вентиляции) — деталь грузинской орнаментистики XIII–XIV ст[олетий]». В качестве «более ярких образцов стиля XVI–XVII» веков названы следующие фрески, с указанием оригиналов, на которые ориентировался автор эскизов: «О тебе радуется благодатная всякая тварь» (на восточной стене), по оригиналу, находящемуся в церкви Св. Иоанна Предтечи в Толчкове в г. Ярославле; «Яко Твое есть царство…» (на западной стене), по оригиналу из церкви Ильи Пророка в г. Ярославле; «Собор Архистратига Михаила» (в западной части среднего плафона), по оригиналу из той же церкви; «Сошествие во ад» (в плафоне западной части, «на север»); «Поклонение волхвов» (в том же плафоне, «на юг»); «Бог-отец», окруженный «шестикрылатыми серафимами» («в восточной части среднего плафона, в круге»), и другие [27].

Чрезвычайно интересно указание Беляева на то, что все эти фрески «представляют из себя первый опыт и первый пример художественной разработки композиций древнерусского стиля, в формах более доступных понятиям настоящего времени, в передаче более живописной, причем идея и план композиции и все характерные ее особенности остаются целиком те же, что и в оригиналах». Описывая «фриз отдельных Святых», художник поясняет: «Расположение Святых хронологическое, начиная от алтаря, на южной стене мужские фигуры, на северной женские. Продолжение фриза в алтаре: на юг Архидиаконы, на север первые Епископы». Об образах иконостаса Беляев сообщает, что они «подчинены стилю XVII столетия, хотя и переданы в форме более реальной, живописной». «Таким образом, — заключает художник, — вся роспись, сохраняя особенности и характерные детали изображений, выработанных канонами, начиная с Византии и нашедших себе в эпоху XVI–XVII столетий русского искусства лучший расцвет во вкусе русских мастеров и по понятиям русского человека, применена здесь, насколько позволяли условия и, нельзя не заметить, что, как на идее, так и на всех деталях, лежит печать исключительно строго православного духа по заветам старого времени» [28].



А. П. Рябушкин. Эскиз фрески «Яко твое есть царство и сила и слава» для церкви Петербургской консерватории. Фотокопия. Музей СПбГК

Перед освящением церкви Великая княгиня Александра Иосифовна позаботилась о церковной утвари для нового храма. За два дня до освящения, 16 октября 1896 года в церковь консерватории было препровождено «усердное приношение» Александры Иосифовны «в память в Бозе почившего Великого Князя Константина Николаевича» (ее супруга), состоявшее, как указано в прилагавшейся описи, из следующих предметов: «1 чаша. 1 дискос. 1 звездица. 1 лжица. 2 блюдца. 1 копье с деревянной ручкой. 1 ковш для теплоты. Футляр дубовый с золочеными углами» [29].

Церковь была торжественно освящена 18 октября 1896 года. К этому событию были отпечатаны типографские карточки-приглашения, от имени Великого князя Константина Константиновича, со следующим текстом: «Вице-председатель Императорского Русского музыкального общества [30], свидетельствуя совершенное почтение... (оставлялись две пустые строки, куда вписывалось имя приглашаемого лица. — *Т. С.*) и сообщая, что, согласно распоряжению Августейшего председателя Общества Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны, освящение церкви С.-Петербургской консерватории состоится в пятницу, 18 го сего октября, имеет честь покорнейше просить пожаловать на это торжество. „...“ октября 1896 г. Начало обедни в 10 часов утра. Форма одежды праздничная» [31].

[27] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263.
[28] Там же. Л. 37–40 об.
[29] Там же. Л. 42–43.
[30] Официально Константин Константинович числился вице-председателем ИРМО с 1897 года [см.: 7, *с. 163*], но, как показывают документы, фактически начал замещать председателя ИРМО — свою мать Александру Иосифовну — раньше.
[31] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263. Л. 33.

Освящение консерваторского храма совершили видные деятели церкви: архимандрит Павел (Лебедев), ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, «соборно» с настоятелем Свято-Пантелеймоновской церкви протоиереем Василием Ивановичем Перетерским, законоучителем консерватории Николаем Григорьевичем Смирягиным, протоиереем Николо-Богоявленского (Никольского) собора Сергеем Александровичем Соллертинским и протодиаконом Исаакиевского кафедрального собора Василием Николаевичем Малининым; за богослужением пел хор собора Преп. Сергия Радонежского [32].

Александра Иосифовна, не присутствовавшая на торжестве освящения, прислала в консерваторию телеграмму из Мерана: «Мысленно со всеми Вами в новоосвященной церкви новой консерватории молюсь о вечном упокоении праведной души Государя, щедротами которого воздвиглось наше здание, и о всех блаженной и достойной памяти почивших учредителей, покровителей и руководителей консерватории. Да поможет Господь дорогому заведению в новых стенах оправдать милость Государя Императора [Николая II], по примеру незабвенного родителя одаряющего консерваторию, и преуспевать и развиваться во славу родины и на пользу искусства. Александра» [33].

После освящения церкви не прекращались заботы о ее благоустройстве. 18 ноября 1896 года для церкви была куплена икона «Введение во храм Пресв. Богородицы» за 2 рубля 50 копеек; 24 ноября были куплены 4 иконы за 15 рублей: «Рождество Богородицы», «Крещение», «Сретение», «Благовещение» [34]. В декабре 1896 года начался сбор, по подписным листам от ИРМО, пожертвований на сооружение плащаницы. Александра Иосифовна и Константин Константинович пожертвовали по 100 рублей; всего было собрано 625 рублей [35]. ИРМО отпускало деньги на церковные расходы, в том числе «для уплаты магазину Жевержеева за ризы и облачения» — 228 рублей 10 копеек; «для уплаты мастерской Баландина за сосуд для освящения воды» — 10 рублей [36].

В конце 1900 — начале 1901 года собирались добровольные пожертвования на «сооружение новой ризницы для причта церкви». Александра Иосифовна пожертвовала 200 рублей, Константин Константинович — 50 рублей; всего было собрано 423 рубля [37].

Интересно, что одним из жертвователей на благоустроение церкви Петербургской консерватории был знаменитый протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Иоанн Кронштадтский). В 1902 году он пожертвовал «св. сосуды» [38]. По-видимому, это произошло не без участия Александры Иосифовны, неоднократно лично общавшейся с ним [39]. В том же 1902 году некая Лидия Казимировна Януич (?) подарила церкви «воздухи» [40]. В 1904 году «воздухи для Св. Даров» пожертвовала княгиня Анна Александровна Оболенская [41].

В церкви были и особенные знаки памяти, посвященные выдающимся деятелям Петербургской консерватории.

В 1899 году Ипполит Ильич Чайковский от имени всех братьев Петра Ильича Чайковского обратился в дирекцию ИРМО с просьбой о разрешении установить в консерваторской церкви икону Св. Петра (письмо И. И. Чайковского от 18 сентября 1899 года) [42]. Разрешение было получено, и икона в память великого композитора — выпускника Петербургской консерватории — нашла место в домовой церкви. В соответствии с намерением братьев П. И. Чайковского икона Апостола Петра и киот были сооружены на средства от возложенных на гроб композитора серебряных венков. Об этом гласит надпись на бронзовой доске под иконой, находящейся ныне в Николо-Богоявленском соборе в Петербурге [43].

В 1901 году художница Мария Александровна Бруни написала и пожертвовала в церковь консерватории образ Христа Спасителя, в память Карла Юльевича Давыдова — профессора консерватории и ее директора в 1876–1887 годах. Как отмечалось в благодарственном письме, направленном художнице от имени дирекции ИРМО 2 февраля 1901 года, «образ этот будет служить вечным напоминанием сердечного отношения Карла Юлиевича к учащейся молодежи и ее горячей к нему признательности и любви» [44].

Особая страница в истории церкви связана с существовавшим при ней церковным хором. Поначалу постоянного хора при церкви не было. 22 апреля 1897 года директору консерватории А. Р. Бернгарду и дирекции ИРМО написал письма некий подпоручик Михаил Павловский [45]. «Случайно узнав», что в консерваторской церкви нет своего хора и что для служб «приходится

---

[32] Эти сведения приводятся в работе В. Г. Головатенко [2, *с. 24*].
[33] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263. Л. 44–46.
[34] Там же. Л. 52.
[35] Там же. Л. 48, 63–64.
[36] Там же. Л. 58.
[37] Там же. Л. 76, 80.
[38] Там же. Л. 83.
[39] Так, в 1894 году по инициативе Александры Иосифовны и вместе с ней Иоанн Кронштадтский поехал в Крым к умирающему императору Александру III.
[40] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263. Л. 84.
[41] Там же. Л. 86.
[42] Там же. Л. 74.
[43] В 1923 году, после закрытия консерваторской церкви, иконостас и оставшаяся утварь были перенесены в Николо-Богоявленский собор [1, *с. 127*].
[44] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 263. Л. 82.
[45] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 349. Л. 1–2.

пользоваться услугами совершенно посторонних хоров певчих», он предложил «поставлять» на все воскресные и праздничные службы свой хор из 12 певчих, с тем условием, чтобы в инструментальные классы консерватории были бесплатно приняты 12 мальчиков из его хора. Директор А. Р. Бернгард своей резолюцией от 9 мая 1897 г. поручил профессору консерватории Г. А. Мареничу прослушать хор Павловского[46]. Маренич, прослушав предлагавшийся хор, остался не очень доволен, и в своем письменном отзыве предложил создать хор из малолетних учеников и учениц консерватории — «тем более», по его словам, «что само церковное пение и посещение церкви, вообще, вносит в жизнь известную мораль»[47].

27 мая 1897 года А. Р. Бернгард, на основании письма Г. А. Маренича, обратился в дирекцию Петербургского отделения ИРМО с просьбой выдать на 1897/1898 учебный год кредит в сумме 2000 рублей на образование постоянного собственного церковного хора, «состоящего в будущем исключительно из учащихся»[48]. Эта просьба была удовлетворена.

Однако создание хора протекало не без трудностей. Пение «малолетних учеников», по-видимому, не удовлетворяло запросам посетителей церкви. Регент хора, ученик консерватории Григорий Давидовский[49] 6 октября 1897 года обратился с письмом в дирекцию ИРМО, в котором сообщал следующее: «В нашей поистине великолепной консерваторской церкви не хватает самого главного украшения, это — хорошего хора. По этому поводу мне, как регенту, очень часто приходится выслушивать укоризны посторонней публики, не могущей понять, почему в высшем музыкальном учреждении, изобилующем певцами и певицами, до сих пор не может составиться хороший хор для своей же собственной церкви». Давидовский предлагал создать хор из тех учащихся, которые являются знатоками церковного пения и поют «за приличное вознаграждение» в лучших петербургских хорах — графа Строганова, графа Шереметева. Рассчитав необходимые расходы — жалованье певцам, регенту, стоимость покупки нот и др., Давидовский просил ИРМО выделить соответствующую сумму[50]. На письме есть помета о положительном решении вопроса 16 октября 1897 года — ассигновании 2 605 рублей на содержание хора «в текущем году»[51].

Г. М. Давидовский, продолжавший исполнять обязанности регента и в следующем учебном году, 9 февраля 1899 года написал в дирекцию ИРМО о том, что ученический церковный хор получает жалованье только с 1 сентября по 1 мая, «а остальные четыре месяца он принужден влачить свое существование при довольно грустной обстановке». Давидовский попросил разрешить ему бесплатно воспользоваться Малым залом консерватории, чтобы дать два духовных концерта в пользу хора, а затем один духовный концерт в пользу церкви[52]. Это письмо содействовало обсуждению вопроса о создании неприкосновенного капитала на содержание церкви[53].

Далеко не все материалы и документы по истории церкви Петербургской консерватории, в том числе по разным ее периодам, выявлены и введены в научный обиход[54]; изучение архивных фондов должно быть продолжено.

Литература

1. *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия: В 3 т. СПб.: Изд-во Чернышева, 1996. Т. 2. 328 с.
2. *Головатенко В. Г.* История храма Рождества Пресвятой Богородицы (при Санкт-Петербургской консерватории) // Бражниковские Чтения — 2012: [Буклет] / Ред.-сост. Е. В. Плетнева. СПб., 2012. С. 24–25.
3. *Гроссманн О. В.* Русский мир Дрездена: Прогулки по историческим адресам. СПб.: Лик, 2009. 156 с.
4. *Завьялова Л. В., Орлов К. В.* Великий князь Константин Николаевич и Великие князья Константиновичи: История семьи. СПб.: Вита Нова, 2009. 608 с.
5. Ленинградская консерватория в воспоминаниях: в 2 кн. 2-е изд., доп. / Под общ. ред. Г. Г. Тигранова. Л.: Музыка, 1987. Кн. 1. 253 с.; 1988. Кн. 2. 275 с.
6. *Миллер В. Р.* С. М. Ляпунов и «Дело о церкви» // Памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой: Сб. ст. / Отв. ред. Т. З. Сквирская. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 64–91 (ПМА. Вып. 9).
7. *Пузыревский А. И., Саккетти Л. А.* Очерк 50-летия деятельности С.-Петербургской консерватории. 2-е изд., испр. и доп. Петроград: Русско-Французская типография, 1914. 198 с.
8. *Сквирская Т. З.* Великая княгиня Александра Иосифовна — председатель ИРМО (1892–1908) // Musicus. 2009. № 5 (18). С. 21–28.
9. 100 лет Ленинградской консерватории. 1862–1962: Исторический очерк / Сост. В. Н. Александрова, Е. Ф. Бронфин, М. А. Ганина и др. Л.: Музгиз, 1962. 303 с.
10. *Щербитко А. В.* Выдающийся хормейстер и композитор Г. М. Давидовский // Труды Московской регентско-певческой семинарии: 2002–2003. М., 2005. С. 361–376.

[46] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 349. Л. 1.
[47] Там же. Л. 3–4 об.
[48] Там же. Л. 5–6.
[49] Григорий Митрофанович Давидовский (1866–1952) впоследствии стал известным хоровым дирижером, регентом, композитором. В течение жизни он создал 35 хоровых коллективов. В 1951 году был удостоен звания заслуженного артиста Украинской ССР [см. о нем: 10].
[50] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 349. Л. 7–9.
[51] Там же. Л. 7.
[52] Там же. Л. 65–66.
[53] Там же. Л. 71.
[54] Об обстоятельствах закрытия церкви в 1922 г. см.: [6].